

**О СПИРИНЫХ А. П. и детях
— ГОРЬКОМУ А. М. и ПЕШКОВОЙ Е. П.**

СПИРИН А. П. Получил среднее образование, с 1901 — служил учителем, с 1915 — посвящен во иерея, служил священником, с 1928 — крестьянин-единоличник. 1929 — арестован за неуплату налога, приговорен к 2 годам заключения, 4 января 1931 — освобожден, приехал в Борисоглебск. В ночь с 9 на 10 января — арестован во время облавы и выслан с семьей в Северный край. Поселились на станции Плесецкая Северной железной дороги, работали на канифольном заводе.

<Ноябрь 1932>

«Глубокоуважаемый Алексей Максимович и Е. П.

Отец наш сын бедного казака кончил учительскую школу в 1901 году, был учителем 12 лет, вышел по болезни в отставку, с 1915 по 1928 г<од> был священником. Семья наша была 16 душ, а отец не умел обманывать своих прихожан, и стал заниматься хлебопашеством, чтобы не стеснять нас, детей, и не мешать, отделил взрослых в 1928 г<оду>, взяв с собой только 3-х мальчиков детей. Было у нас на 12 душ три пары волов, лошадь, 2 коровы, 12-13 десятин посева, не было ни батраков, не мельниц, ни предприятий. Своими руками добывали кусок хлеба, ночей не досыпали, не доедали, нарядными не ходили. В 1929 году на отца наложили 180 пудов хлеба, у него не было, да и мы не могли ему помочь, и его осудили по 61 статье на 2 года заключения, а имущество его (хата и барахло) конфисковали на 47 руб<лей>. 4-го января 1931 г<ода> его освободили, дали документ на свободное проживание по Союзу, он приехал в Борисоглебск на жительство; там в одну ночь милиция сделала облаву, собрали всех «пришлых», и вот в это число попал и отец, потом просидел 2 месяца в д<оме> з<аключения>, пробыв в Борисоглебске только 5 дней. Привезли его в свой округ, собрали нас всех в кучу и доставили к нему (два старших брата были в трудовой армии), и отправили всех на север в качестве спец-переселенцев, а через 5 месяцев разрешили свободное проживание в пределах Северного края. Мы поселились на Плесецком канифольном заводе, все работаем, но условия для нашей семьи очень тяжелые; школы на заводе нет, теперь 2 из нас ходят за 7 км в Плесецкую, а двое могли бы ходить, но далеко, а настанут холода, как бы и нам не пришлось бросить. Надо квартиру, провиант, а отделить от пайка нечего, села от завода далеко, за 21 км и более, негде прикупить продуктов, а город далеко, там много всего, но туда не наездишься, а на нашем Плесецком базаре ничего не бывает. Три месяца мы очень голодали, рабочим давали по 400–500 гр<амм> одного хлеба, а мы, дети, часто ничего не получали, по три дня сидели без хлеба, а из столовой получать многосемейным — денег не хватает. Все мы, дети, переболели, да и сейчас хвораем, то рвота, то животы болят, а в больнице прописывают одно: хорошее питание... Отец исходил и изъездил все заводы и станции. Есть и школа и работа, но только не мог найти для такой семьи квартиру. Приходится оставаться здесь и, возможно, бросить школу. Знакомые и земляки пишут нам из разных мест, — ЦЧО, Сред<не>-Волжский край и т<ак> д<алее>, что у них продукты гораздо дешевле нашего, и квартир сколько хочешь, и в совхозе дай рабочих рук, но одна беда — мы не можем выезжать из пределов Сев<ерного> края. Отец сколько раз подавал просьбу о разрешении свободного выезда и проживанию по Союзу, но ответа никакого. Теперь опять мы посылаем через Вас. Мы с 29 г<ода> страдаем, отец, может быть, наказывается за

то, что он был священником, а мы за что? Думаем, думаем и никак не можем понять: за что мы, дети, несем нравственные страдания и физические лишения? Из прилагаемой автобиографии отца Вы увидите, что он уж не так опасный человек. Читаем Ваши произведения, видим из них, что Вы поборник правды, поэтому мы смело обращаемся к Вам с просьбой. Очень извиняемся за это длинное письмо, но думаем, что Вы обратите внимание на совершенных "отверженных" и своим авторитетом доставите к 15-й великой годовщине маленькую радость. Просим Вас, Алексей Максимович и Е. П., передать во ВЦИК или куда надобно просьбу отца и думаем, что вы не отвернетесь с презрением от 10 летней Лены, 8 лет<ней> Лизы, 6 лет<ней> Нины, 6 лет<него> Васи, 5 лет<него> Сережи, 4 лет<него> Акима, 14 лет<него> Вани, 16 лет<ней> Серафимы, 1 мес<ячного> Пети. Это все дети и внучата нашего отца.

Докажите, что все, что пишется и говорится в опровержение буржуазной лжи — не одни красивые фразы. К сему Иван Спиринов, Спирина Серафима, Спирина Елена, Вася, Аким, Сергей, Нина, Петр Спирины, а за них неграмотных и за себя <подпись неразборчива>.

Ходатайствуем о разрешении свободного выезда из пределов Сев<ерного> Кр<ая> и свободном проживании по Союзу.

Адрес наш: ст<анция> Плесецкая Сев<ерной> ж<елезной> д<ороги>. Канифольный завод»¹.

<7 декабря 1932>

«А. П. СПИРИНУ

В ответ на В<аше> обращение сообщая, что заявление Ваше в ЦИК мы передали по назначению.

Ответ запросите непосредственно, т<а>к к<а>к мы там справок не наводим»².

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 812. С. 98-99. Автограф.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 812. С. 97. Машинопись.